

партии летописного материала у Феофана выдвигаются по своей надежности и яркой фактичности сообщения об ином, значительном ряде явлений, которыми все гуще наполняется вторая половина царствования Константина V, т. е. время особенного ожесточения и разгара борьбы, когда реформационные круги от частичных проб и разрозненных попыток перешли к генеральным операциям по всему фронту. Два последние десятилетия правления Константина V, исходившие из позиций, созданных и укрепленных Собором 754 г., недаром считаются всеми писателями IX в. эпохой „безумия и ужаса“. Но у Феофана (скорее неволью, чем волью) она характерным образом представлена фактами, которые в своей компактной совокупности образуют широко задуманную и планомерно осуществляющуюся „монахомахию“.

Наблюдения, извлеченные из пристального анализа хронографического материала, заключенного в труде Феофана, имеют прежде всего то важное значение, что здесь впервые раскрывается действительная сложность иконоборческого движения и выдвигается сама собой реальная его линия, которая хотя и намечалась ранее в исследовании, но помещалась в иной перспективе. Внимательное изучение повествования Феофана приводит к убеждению, что фактический состав „иконоборческой смуты“ VIII в. заполнен натиском милитаризирующегося государства на монастыри и монашество; попытка же уничтожить иконопочитание, если она и получила солидное теоретическое обоснование на Соборе 754 г., если она и вызвала с течением времени все усиливающийся отпор, исключительно, однако, литературный со стороны гонимого „монастырства“, судя по данным хронографии, не всколебала течения жизни крупными актами и решительными выступлениями. Мне приходилось уже указывать, почему гонимая монашеская сторона с жадностью должна была ухватываться за это расхождение по вопросу об отношении к иконам, раздувать его значение и вести контрнаступление на правительство именно на этом фронте: с одной стороны, то был момент в борьбе, в сфере которого и возможны были только споры, апологии и опровержения, а с другой — тот же момент давал возможность в напряжении полемики обвинять враждебно-агрессивное правительство не только в гонении на благочестие, но и в ереси и в отступлении от Христа и всех святых. К сожалению, в этом споре мы обречены слышать только одну сторону, которая хотя и приводит в своих опровержениях и защитах мнения и доводы противников, однако, доверяться такой беспокойной и внетекстуальной цитации мы, конечно, не имеем права. Поэтому мы оказываемся не в состоянии даже восстановить точно и отчетливо в характерных пунктах этот интересный сам по себе религиозно-философский спор. Но ведь это — яркая и существенная страница в истории византийской богословско-полемической литературы, не вводящая нас все-таки в историю общественных движений. Мы же отлично понимаем, что сам по себе узкий и мелкий вопрос об иконопочитании не мог держать в состоянии кипения общественные страсти в течение более чем столетия. Спор по вопросу об отношении к иконам и св. изображениям должен выясняться как идеологическая надстройка, или даже точнее — пристройка у более существенного, более реального и, я бы сказал, социального столкновения: иконоклизм и иконодулия — только символы, идейные маски, прикрывающие собой действительные, живые лики борющихся в VIII в. в империи общественных сил.